

HISTORY OF THE EAST
National History
ИСТОРИЯ ВОСТОКА
Отечественная история

Научная статья

Исторические науки

УДК 94(297.17)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583>

Брат царя на Кавказе: великий князь Михаил Николаевич и его окружение (1862–1881)

Урушадзе Амиран Тариелович

*Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия,
aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>*

Аннотация. Статья посвящена кавказскому наместнику великому князю Михаилу Николаевичу и его ближайшему окружению. В декабре 1862 г. кавказским наместником стал великий князь Михаил Николаевич, что символически повышало статус южной окраины империи. Дело в том, что в истории Российской империи только две окраины управлялись великими князьями — Царство Польское и Кавказ. Это делает время наместничества Михаила Николаевича на Кавказе актуальным предметом исследования как в связи с поисками оптимальной модели управления южной окраиной, так и в общеимперском историческом контексте. Кроме того, к середине XIX в. значение великих князей в системе управления империи достигает апогея. Сыновья Николая I и братья Александра II занимают ключевые позиции в государстве, контролируют военные ведомства и институты. Изучение особенностей стиля административной работы великого князя Михаила Николаевича показывает общий уровень «великокняжеской» политики. Источниками исследования стали архивные документы из фондов великого князя Михаила Николаевича, его придворной конторы, Кавказского комитета, личного фонда М. Т. Лорис-Меликова. Основной вывод заключается в тезисе о том, что великий князь Михаил Николаевич умело объединил как собственных выдвиженцев, так и опытных чиновников Кавказского края. Вместе с сильными позициями в правительстве это позволило наместнику управлять регионом на протяжении почти двадцати лет и провести масштабные административные и социально-экономические преобразования.

Ключевые слова: Кавказ, Кавказская война, Кавказский наместник, Российская империя

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>.

Для цитирования: Урушадзе А. Т. Брат царя на Кавказе: великий князь Михаил Николаевич и его окружение (1862–1881). *Ориенталистика*. 2024;7(3):568–583. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583>

Brother of the Tsar in the Caucasus: Grand Duke Mikhail Nikolaevich and his Fraction (1862–1881)

Amiran T. Urushadze

European University in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia,
aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>

Abstract. The article deals with the Viceroy of Caucasia Grand Duke Mikhail Nikolaevich of Russia (1832–1909) and his immediate circle. In December 1862, Grand Duke Mikhail Nikolaevich, the fourth son and seventh child of the Russian Emperor Nicholas I became the Viceroy of Caucasus. This symbolically increased the status of the southern border outskirts of the Russian Empire. The fact is significant because in the Russian Empire, only two outskirts were ruled by grand dukes — the Kingdom of Poland and the Caucasus. This makes the time of Mikhail Nikolaevich's governorship in the Caucasus an important research topic. Additionally, by the middle of the 19th century, the importance of the Grand Dukes in the Empire's governance system reaches its apogee. The sons of Nicholas I and the brothers of the subsequent monarch Alexander II occupy key positions in the state, controlling military departments and institutions. Studying the features of the style of administrative work of Grand Duke Mikhail Nikolaevich shows the general level of the “grand-ducal” policy. The research is based on archival sources from the funds of Grand Duke Mikhail Nikolaevich, his court office, the Caucasian Committee, and the personal fund of M. T. Loris-Melikov. The author comes to the conclusion that Grand Duke Mikhail Nikolaevich skillfully united both his own nominees and experienced officials of the Caucasus region. Together with a strong position in the government, this allowed the governor to rule the region for almost twenty years and carry out large-scale administrative and socio-economic changes.

Keywords: Caucasus, Caucasian War, Caucasian Viceroy, Russian Empire

Acknowledgments: The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>.

For citation: Urushadze A. T. Brother of the Tsar in the Caucasus: Grand Duke Mikhail Nikolaevich and his Fraction (1862–1881). *Orientalistica*. 2024;7(3):568–583. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2024-7-3-568-583> (in Russian).

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

В истории Российской империи лишь две окраины государства управлялись великими князьями (сыновьями/внуками царствующего/царствовавшего монарха) — Польша и Кавказ. Как известно, великие князья Константин Павлович и Константин Николаевич руководили Царством Польским в 1815–1830 гг. и 1862–1863 гг. соответственно, а наместниками Кавказа являлись Михаил Николаевич в 1862–1881 гг. и Николай Николаевич (Младший) в 1915–1917 гг. На фоне остальных Михаил Николаевич показал себя как эффективный и успешный администратор. Константин Павлович и Константин Николаевич оказались не в силах противостоять польским восстаниям, Николай Николаевич (Младший) не успел проявить себя на Кавказе, а после отречения императора Николая I поспешил покинуть регион.

Михаил Николаевич управлял южной окраиной империи дольше всех — почти 19 лет (1862–1881). За это время ему удалось завершить Кавказскую войну в 1864 г., провести многочисленные социально-экономические и административные преобразования [Эсадзе, 1907], реализовать несколько масштабных научных и научно-просветительских проектов [Максимчик, Манышев, 2020; Колосовская, 2023]. Безусловно, успешное наместничество Михаила Николаевича было во многом подготовлено большой военно-политической работой, проведенной на Кавказе его предшественниками М. С. Воронцовым [Лазарян, 2022] и А. И. Барятинским [Муханов, 2007]. И все же регион оставался пространством политической турбулентности, справиться с которой было не самой легкой задачей.

Между тем историографический образ Михаила Николаевича крайне непригляден. В классических работах П. А. Зайончковского Михаил Николаевич предстает человеком пустым и бездарным, совершенно неспособным к какой-либо положительной государственной деятельности [Зайончковский, 1973; Зайончковский, 1978]. Вероятно, оценки деятельности и политических способностей великого князя нуждаются в уточнении критерия. Сравнения с выдающимися государственными деятелями империи (Д. А. Милутиным, С. Ю. Витте, П. А. Столыпиным) будут явно не в его пользу, но, как уже отмечалось, на фоне других великих князей-администраторов заслуги на этом поприще Михаила Николаевича выглядят в целом позитивно. Однако эта статья не является попыткой исторической реабилитации личности великого князя. Цель ее — показать изменения, которые произошли на Кавказе в репрезентациях имперской власти с приездом Михаила Николаевича, а также реконструировать ближний круг великого князя-наместника в контексте политической повседневности. Эти вопросы связаны с процессом приобретения Кавказом особой политической субъектности в административной и символической структуре империи Романовых.

Формирование политической субъектности Кавказа связано с учреждением наместничества в 1844–1846 гг. и получением наместником широчайших должностных прав и привилегий. Кавказ с этого времени сделался не только далекой и воюющей окраиной, но и особой территорией, находившейся вне регулярно-бюрократического контроля. Эта автономность региона соотносилась с его сложностью, разнообразием и отсутствием у столичных бюрократов ясных представлений о местных условиях. Назначение наместником великого князя

Михаила Николаевича закрепляло и усиливало символическую независимость Кавказа, его политическую субъектность как особой территории¹.

* * *

К середине XIX в. влияние великих князей на различные отрасли управления империей достигло высшей точки. В воспоминаниях великого князя Александра Михайловича есть показательные рассуждения: «Выбор моей карьеры был весьма ограничен: он лежал между кавалерией, которой командовал мой дядя, великий князь Николай Николаевич (Старший), артиллерией, которая была в ведении моего отца (великого князя Михаила Николаевича. — А. У.), и военным флотом, во главе которого стоял мой другой дядя — великий князь Константин Николаевич» [Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 18].

Сыновья императора Николая I, как и их отец, лично интересовались особенностями организации государственного управления и путями совершенствования ключевых военно-политических институтов империи. Не обходили вниманием великие князья и Кавказ. Константин Николаевич в 1851–1853 гг. вел активную переписку с первым кавказским наместником М. С. Воронцовым о военных событиях и административных преобразованиях в крае. Воронцов присылал великому князю отчеты об управлении регионом, обстоятельно отвечал на уточняющие вопросы, отправлял уставы образовательных и благотворительных институтов². Кроме того, по просьбе Константина Николаевича для него был составлен специальный библиографический список «Обзорение источников для познания Кавказа». Этой работой в течении нескольких месяцев занимался писатель и ученый В. А. Соллогуб, являвшийся, в том числе редактором «Записок Кавказского отдела Русского географического общества». Активность переписки и глубокий интерес Константина Николаевича к делам на Кавказе порой заставляет подозревать великого князя в намерении занять место уже пожилого Воронцова.

В одном из писем Константин Николаевич выражает желание приехать на Кавказ, при этом не жалеет пафоса: «Одна из любимейших моих надежд есть надежда совершить со временем путешествие по Кавказу. Весьма желал бы я исполнить это предприятие под вашим руководством и пользуясь вашими советами»³. Великий князь планировал такое путешествие после прочтения книг из кавказоведческого библиографического списка. Однако Крымская война помешала реализации «любимейшей надежды» Константина Николаевича.

«Вместо одного великого князя на Кавказ осенью 1858 г. приехали сразу два — великие князья Николай Николаевич (старший) и будущий кавказский наместник Михаил Николаевич. 1 сентября 1858 г. великие князья прибыли на пароходе в Поти, откуда проехали по всему Закавказью с запада на восток до

¹ В структуре Российской империи были и другие модели политической субъектности окраин. Польша и Финляндия маркировались как Европа, и это придавало им особый символический и политический статус [Болтунова, 2022, с. 381–403].

² ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 430. Л. 1–40.

³ Там же. Л. 8–9.

Баку, где сев на пароход отправились в Дербент, а затем пересекли Северный Кавказ в обратном направлении до Анапы, из которой отплыли на пароходе в Керчь»⁴. Маршрут следования позволил великим князьям проехать по всему региону. Вкупе со сведениями, которые Михаил Николаевич мог получить от старшего брата Константина Николаевича о Кавказе, можно считать, что будущий кавказский наместник был основательно знаком с краем, которым в скором времени ему предстояло управлять.

Должность наместника на Кавказе рассматривалась как престижная и представляющая множество возможностей. Наместники пользовались почти безграничным личным доверием императоров. Это место соотносилось с управленческой независимостью в административном смысле и командованием Кавказской армией — одной из самых боеспособных в империи. В переписке с А. И. Барятинским великий князь Константин Николаевич отметил: «Вы, князь, управляете как наместник государя целым царством»⁵. Великий князь Михаил Николаевич сразу после своего назначения на Кавказ, которое состоялось 6 декабря 1862 г., писал уходящему в отставку Барятинскому: «Назначение мое наместником кавказским и командующим Кавказской армией для меня весьма лестно как выражение доверия государя и потому еще, что получаю в командование первую армию в мире!» [Муханов, 2007, с 337].

Михаил Николаевич получил в декабре 1862 г. своеобразное политическое завещание от своего предшественника. Барятинский отмечал, что ключевой задачей в деле полноценной интеграции Кавказа в пространство Российской империи является «перерождение нравов» местного населения [Муханов, 2007, с. 338–339]. Реализация этой задачи, по мнению Барятинского, была возможна только через новое образование и воспитание женщин: «Женщина, по влиянию своему на семейство как на хранилище народных нравов и обычаев, действует одинаково на привычки дитяти, возмужалого и старца, а потому ей одной и можно изменять к лучшему домашние обычаи, в которых заключается первое условие усовершенствования» [Муханов, 2007, с. 337]. Кроме необходимости развития на Кавказе институтов женского образования, Барятинский отмечал значение казачьей колонизации края, прокладывания надежных путей сообщения, а также ограничения влияния мусульманского духовенства на общественную жизнь региона.

Вероятно, Михаил Николаевич с большим вниманием изучил рекомендации Барятинского. Об этом можно судить по записке с заглавием «Разные мои мысли, соображения и откровения», в которой великий князь отметил несколько тезисов на память⁶. «Желательно, чтобы казачьи линии со временем были на персидской и турецкой границах», — в годы наместничества на Кавказе Михаила Николаевича появилось несколько проектов переноса казачьих поселений с Дона и Терека на Аракс и образования Закавказского линейного казачьего войска. Однако уже переселение казаков Азовского войска из Северо-Восточного Приазовья на Кубань в 1863 г. прошло не без трудностей

⁴ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 440. Л. 19–20.

⁶ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

и конфликтов казаков с кавказской администрацией⁷. Впоследствии от более масштабных планов трансфера казачьих поселений отказались. Следующая запись: «Св. Нина для образования хороших хозяек». Женское благотворительное общество Св. Нины было учреждено в декабре 1846 г. Целью общества было открытие сначала в Тифлисе, а затем и в других городах Кавказского края учебных заведений для «образования девиц бедных родителей»⁸. Учебные заведения Св. Нины должны были готовить девушек к семейной жизни, они должны были стать «добрыми женами и хорошими матерями»⁹. В 1863 г. председателем общества Св. Нины стала жена Михаила Николаевича великая княгиня Ольга Федоровна, а покровительницей — императрица Мария Александровна.

Таким образом, великий князь Михаил Николаевич отправлялся на Кавказ довольно подготовленным: путевые впечатления 1858 г. дополнялись наставлениями опытного Барятинского и сведениями, которые новый наместник мог получить от старшего брата, великого князя Константина Николаевича. Вместе с Михаилом Николаевичем в Тифлис отправлялся его великокняжеский двор, переезд которого стал крупной финансово-логистической операцией. Здесь необходимо отметить, что финансовая автономность кавказских наместников и фактическая бесконтрольность расходования средств на южной окраине сильно раздражали Министерство финансов. Именно главы финансового ведомства были наиболее последовательными противниками административного всевластия наместников. В декабре 1862 г. министром финансов был назначен М. Х. Рейтерн, сторонник централизации финансовой системы, противник всех форм финансовой автономии окраин и роста военных расходов [Белых, 2021]. Назначение на Кавказ великого князя Михаила Николаевича неизбежно повлекло два политических следствия: 1) сохранение значительной финансовой автономии края; 2) рост расходов на содержание великого князя-наместника. Это, в свою очередь, предопределило служебно-иерархические конфликты Министерства финансов и нового кавказского наместника.

На переезд в Тифлис весной 1863 г. Михаила Николаевича с семейством и свитой государственным казначейством было отпущено 85 753 рубля¹⁰. Годовое жалованье министра империи в середине XIX в. составляло в среднем 12 тыс. руб. Таким образом, переезд Михаила Николаевича был примерно равен сумме, на которую можно было целый год содержать почти всех министров российского правительства. Сопровождавшим великого князя на Кавказ было выдано годовое жалованье «на подъем», всего 12 человек: гофмейстер, два доктора, камердинер, несколько чиновников и священник¹¹. Кроме людей великокняжеского двора перевозились вещи и животные: 445 мест багажа,

⁷ ГАРО, Ф. 301, Оп. 13, Д. 161. Л. 1–2.

⁸ РГИА. Ф. 1268. Оп. 26. Д. 9. Л. 624.

⁹ Там же. Л. 656.

¹⁰ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 556. Л. 6.

¹¹ Там же. Л. 4.

18 экипажей, 11 лошадей, 14 собак¹². Двор Михаила Николаевича двигался сначала поездом из Петербурга в Москву, затем перемещался в Нижний Новгород, а далее по Оке и Волге на пароходе «Державин» в Астрахань. Здесь люди и вещи погружались на винтовую шхуну, которая доставила все и всех в Баку. Наиболее тяжелым отрезком этого большого переезда была дорога из Баку в Тифлис. Некоторые пассажиры и животные заболели в пути.

16 апреля 1863 г., когда багаж и большая часть людей великокняжеского двора только высадились в Баку, кавказский наместник Михаил Николаевич торжественно въезжал в Тифлис. На границе Тифлисской губернии Михаила Николаевича и его супругу Ольгу Федоровну встретила губернская администрация и конвой [Кавказ¹³, 1863, № 29 (18 апреля), с. 177]. У ворот города великого князя-наместника встречали тифлисский генерал-губернатор Г. Д. Орбелиани, уездный предводитель дворянства, князья и дворяне, полицейстер с конвоем из почетных горожан. Вдоль пути следования процессии выстроились тифлисские цеховые объединения ремесленников — амкары. Под звуки музыки и в сопровождении многочисленной городской публики великий князь-наместник прошествовал к главному православному храму Тифлиса — Сионскому собору. Здесь Михаила Николаевича встречали генералы и офицеры Кавказской армии и чиновники региональной администрации с женами. У входа в Сионский собор наместника приветствовал экзарх Грузии, архиепископ Карталинский и Кахетинский Евсевий (А. А. Ильинский) с православным духовенством. После религиозных церемоний Михаил Николаевич и Ольга Федоровна отправились в дом наместника, где их также встречали, на этот раз городской голова и почетные горожане «с хлебом и солью». Городской голова отдельно обратился с приветственной речью к Ольге Федоровне. Торжественный въезд великого князя-наместника в город сопровождался пушечными залпами орудий Метехского замка и колокольным звоном.

В описанной церемонии торжественного въезда нового наместника в Тифлис отчетливо заметен эклектизм этого сценария репрезентации власти. В классической работе Р. Уортмана отмечается, что если официальные церемонии времен Николая I демонстрировали единство монарха и имперской элиты (военно-служилой корпорации), то сценарии власти Александра II дополнялись проявлениями народной любви и обожания. Последние тенденции получили развитие в царствование Александра III, когда особое значение приобрели религиозные церемонии, подчеркивающие национальную роль православия, с одной стороны, и духовную связь между царем и народом — с другой [Уортман, 2004, с. 23–25]. Появление великого князя Михаила Николаевича в Тифлисе сопровождалось основными элементами различных сценариев власти. Михаил Николаевич въезжал в Тифлис как военный вождь и глава администрации, что подчеркивалось масштабным участием во встрече нового наместника армейских соединений и их командиров. Это было оправдано, учитывая продолжавшуюся Кавказскую войну, в которой новый

¹² РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 556. Л. 24–26.

¹³ Официальная газета в Кавказском регионе Российской Империи. Выходила с 1846 по 1917 г.

наместник должен был поставить победную точку. Присутствие высокопоставленных чиновников могло символизировать исключительный автономный статус южной окраины в государственной системе империи. Грузинский экзарх Евсевий получил в церемонии важнейшую роль распорядителя главного действия во всей церемонии — благодарственного молебна, после которого великий князь-наместник принял от архиепископа иконы, целовал крест и поклонился святыням Сионского собора. Одновременные колокольный звон и пушечные залпы примиряли европейский и национальный мифы империи, объединяя их в своеобразное имперское многоголосие в разноязычном и полиэтническом Тифлисе. Наконец, амкары, вероятно, отвечали в этом гибридном сценарии за проявление народной любви, что подтверждало законность власти Романовых на Кавказе.

Следующий день, 17 апреля 1863 г., также стал для жителей Тифлиса праздничным. Город отмечал день рождения императора Александра II, и присутствие царского брата, несомненно, увеличило масштаб праздника и интенсивность выражения верноподданнических чувств. В центре Тифлиса — на Гунибской площади, названной в честь победы над Шамилем, состоялся большой развод войск городского гарнизона под аккомпанемент 101 выстрела орудий Метехского замка. Как сообщала газета «Кавказ», «вечером город был иллюминирован, и проявление народного восторга, как и накануне, не прекращалось до поздней ночи» [*Кавказ*, 1863, № 29 (18 апреля), с. 177].

Михаил Николаевич умело использовал свой статус для соответствующей репрезентации как полновластного правителя Кавказа. Он почти всегда был окружен большой свитой, проявлял царскую щедрость в отношении как близких, так и малознакомых людей, выступал в символической роли отца семейства. Такой репутации способствовало множество детей в великокняжеской семье. В Тифлис приехали трое детей Михаила Николаевича и Ольги Федоровны — Николай, Анастасия и Михаил. На Кавказе родились еще четверо сыновей — Георгий, Александр (Сандро), Сергей и Алексей.

О повышении статуса Кавказа с приходом великого князя-наместника свидетельствовали новации в организации быта наместника. Уже в конце 1863 г. начинается масштабная реконструкция дома кавказского наместника: ремонтируются внутренние помещения и фасад здания, сооружается большая пристройка с южной стороны дома¹⁴. При этом работы производились за счет Главного инженерного управления, на содержании которого числился дом наместника и главнокомандующего Кавказской армией. Модернизировалась и окружающая дом наместника инфраструктура, в том числе сад, который превратился в предмет особой гордости Михаила Николаевича. Расходы на содержание всего домашнего хозяйства росли каждый год и новые финансовые запросы со стороны придворной конторы великого князя порой наталкивались на сопротивление чиновников. В январе 1866 г. начальник Департамента государственных имуществ Главного управления кавказского наместника Ю. Ф. Витте (отец известного реформатора) не нашел средств во вверенном ему департаменте для очередного увеличения расходов на содержание сада

¹⁴ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 707а. Л. 17.

наместника¹⁵. Гофмейстеру двора Михаила Николаевича и начальнику его придворной конторы А. Ф. Гроту пришлось искать другие источники финансирования садовых усовершенствований.

Михаил Николаевич рассчитывал вскоре переехать из обновленного дома кавказского наместника во дворец. В 1863–1864 гг. состоялся конкурс проектов дворца наместника. Победил проект архитектора О. И. Симонсона, но даже минимальная смета расходов на постройку дворца насчитывала более полумиллиона рублей¹⁶. Эта сумма была признана неподъемной, и Симонсон продолжил реконструкцию старого дома наместника, которая продолжалась до весны 1869 г.

Наместник вместе с семьей проводил летние месяцы в двух новых резиденциях — Белом Ключе (неподалеку от Тифлиса) и Боржоми. В создании летних резиденций наместника принимали участие известные мастера — художник Л. Ф. Лагорио и архитектор В. Е. Швейер. Все постоянные и временные сотрудники Михаила Николаевича заработали на Кавказе солидные суммы. Так, Лагорио и Швейер в дополнение к усиленным окладам получили двойные прогоны, что в сумме значительно превышало их жалованье в Императорской академии художеств¹⁷.

Демонстрация богатства и роскоши являлась важным атрибутом сценария власти кавказских наместников, но в годы управления краем Михаила Николаевича она достигла особых размахов, что подчеркивало статус великого князя-наместника. Как отмечал начальник Главного управления кавказского наместника А. П. Николаи, «не следует забывать, что в стране, населенной азиатскими племенами, наружная обстановка представителя верховной власти имеет большое значение» [Правилова, 2006, с. 122].

Кроме усиленного жалованья и двойных прогонов военные и чиновники из окружения Михаила Николаевича получили после приезда в Тифлис крупные суммы на «обзаведение»¹⁸. Больше всех получил адъютант и фаворит великого князя капитан А. П. Свистунов (300 руб.). Другому «старому» адъютанту наместника, полковнику князю С. Н. Трубецкому, было назначено всего 250 руб..¹⁹ Именно Свистунов, офицер, входивший в ближний круг великого князя-наместника, сделал самую успешную карьеру на Кавказе. Уже через год после начала службы в Тифлисе он был произведен в полковники; 8 октября 1864 г. — назначен начальником штаба Терской области, 13 августа 1866 г. — помощником начальника Терской области, 10 октября 1867 г. — начальником штаба Кавказского военного округа.

Михаил Николаевич опирался не только на собственных выдвиженцев, но и на «старых кавказцев» — военных и чиновников, которые долгие годы служили в регионе и обладали необходимым административным опытом. В области гражданского управления краем великий князь во многом полагался на

¹⁵ РГИА. Ф. 547. Оп. 1. Д. 707а. Л. 33–34.

¹⁶ Там же. Д. 717. Л. 25–26.

¹⁷ Там же. Д. 714. Л. 1–2.

¹⁸ Там же. Д. 556. Л. 36–37.

¹⁹ Там же. Л. 36.

уже упомянутого А. П. Николаи. Опытный Николаи руководил крестьянской и судебной реформами на Кавказе в 1864–1870 гг. Необходимо отметить, что проведение масштабных социально-экономических преобразований в крае закономерно привело к значительному увеличению количества чиновников. Только число чиновников, имевших право быть представленными к высочайшим наградам, увеличилось с 1895 г. до 2799 человек²⁰. Кавказские наместники по традиции, заложенной еще М. С. Воронцовым, были щедры на награды чиновникам. Однако в империи действовали строго определенные нормы количества ежегодных представлений к наградам. В середине XIX в. высшая норма представлений для министерств и управлений составляла 1 награду на 43 чиновника. Для Восточной Сибири и Царства Польского норма составляла 1 награду на 25 чиновников. Великий князь Михаил Николаевич просил увеличить наградную норму для Кавказского края до «рекордного» значения — 1 награда на 22 чиновника²¹. Кавказский комитет счел возможным установить для южной окраины «восточносибирскую» норму — 1 награда на 25 чиновников. Но Александр II не утвердил решение Кавказского комитета и поручил рассмотреть дело повторно в Комитете министров, где посчитали, «что применение к Кавказскому и Закавказскому краю принятой для Восточной Сибири нормы 1 награды на 25 чиновников предоставило бы слишком большие преимущества для служащих в сем краю лиц, и потому полагал достаточным ограничить число ежегодных наград для Кавказского и Закавказского края 100 наградами по правилам, что будет соответствовать 1 награде на 32 чиновника»²². Это решение Комитета министров было утверждено императором 11 октября 1868 г.

Однако, «война за награды» на этом не закончилась. Спустя год Михаил Николаевич вновь обратился в Кавказский комитет с ходатайством об увеличении числа наград для чиновников Кавказского края. Великий князь указывал, что в общем количестве чиновников региона не были учтены сотрудники Главного управления кавказского наместника и чиновники для особых поручений, состоящие при наместнике, общее число которых достигало двух сотен. Дело было вновь передано в Комитет министров, где на этот раз согласились с доводами кавказского наместника: наградная норма была увеличена до «западносибирского» стандарта — 1 награда на 30 чиновников ежегодно²³. Кроме того, великому князю удалось добиться внесения в смету регионального гражданского управления сумму в 14 тыс. руб. для денежного награждения отличившихся чиновников. Министр финансов Рейтерн согласился на дополнительные расходы, но с условием, «чтобы не были уже испрашиваемы особые высочайшие повеления на выдачу в награды еще каких-либо дополнительных сумм»²⁴.

²⁰ РГИА. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 110. Л. 5.

²¹ Там же. Л. 9.

²² РГИА. Ф. 1268. Оп. 13. Д. 110. Л. 14.

²³ Там же. Л. 32.

²⁴ Там же. Л. 33.

Выгодные условия службы на Кавказе привлекали в регион способных чиновников, без которых решение генеральной задачи правительственной политики — «слияние окраины с остальной империей» — было невозможным.

Михаил Николаевич дорожил опытными и проверенными кадрами, о чем свидетельствует история его взаимоотношений с начальником Терской области М. Т. Лорис-Меликовым, к которому великий князь-наместник относился с искренней симпатией [Кузьминов, 2009]. Лорис-Меликов успешно управлял Терской областью до 1875 г., когда попросил отставки с этой должности. Биографы Лорис-Меликова указывали на некие разногласия между ним и великим князем-наместником [Итенберг, Твардовская, 2004, с. 29]. Однако подробности этих разногласий остаются неизвестными. Место начальника Терской области занял любимец великого князя Свистунов, ранее служивший под непосредственным начальством Лорис-Меликова.

Возможно, что именно Свистунов осложнял отношения Лорис-Меликова и великого князя. Такое предположение оправдано некоторыми сведениями из переписки Михаила Николаевича и Лорис-Меликова. В письме от 31 января 1865 г. великий князь-наместник просил Лорис-Меликова не верить слухам: «Решительно не понимаю из чего ты мог заключить, что я теряю к тебе доверие, и если в разговоре с полковником Свистуновым я что-либо сказал, что могло тебя огорчить, то прошу о том у тебя прощения»²⁵. Как уже было отмечено, Михаил Николаевич дорожил Лорис-Меликовым и поэтому вслед за извинениями давал обещания: «Обещаю тебе раз и навсегда, во избежание подобных случаев, что если когда-либо я был бы тобою недоволен или не одобрил бы твоих распоряжений, то об этом я тотчас же скажу тебе; покуда же я этого не сделаю, то не сомневайся в моем доверии, не давай ходу своей мнительности и не верь всяким нелепым толкам и выдумкам. Убеден, что ты будешь продолжать с той же пользой управлять областью, как ты это исполняешь уже два года!»²⁶. Из приведенных фрагментов письма вполне очевидно, что Свистунов, основываясь на некотором поспешном высказывании Михаила Николаевича, публично распространил слухи о недовольстве наместника действиями начальника Терской области. Но этот эпизод, видимо, был довольно быстро исчерпан, причем важную примирительную роль сыграл начальник Главного штаба Кавказской армии А. П. Карцов, который до назначения на Кавказ являлся одним из преподавателей великого князя Михаила Николаевича. В докладе наместнику Карцов подчеркнул заслуги Лорис-Меликова как самого талантливого администратора на Кавказе, а в личном письме к начальнику Терской области заверил его в неизменно дружеском отношении со стороны Михаила Николаевича. «Письмо ваше так полно доказательствами чистосердечного ко мне расположения, что служит лучшим для меня указанием не допускать никаких в этом отношении сомнений на будущее время», — писал Лорис-Меликов в ответном послании Карцову²⁷. Судя по переписке с Карцовым, Лорис-Меликов не пытался навредить Свистунову:

²⁵ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 127. Л. 2.

²⁶ Там же.

²⁷ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 120. Л. 9.

«Убедительно прошу вас сохранить к нему (А. П. Свистунову. — А. У.) все то расположение, которым он пользовался прежде»²⁸.

Несмотря на «фактор Свистунова», отношения Лорис-Меликова и великого князя оставались доверительными. Михаил Николаевич интересовался мнением Лорис-Меликова о причинах восстания в Абхазии 1866 г. и в личной переписке отмечал распорядительность начальника Терской области. Письмо Лорис-Меликова великому князю-наместнику от 25 февраля 1875 г. с просьбой об отставке содержит подробное объяснение ее причин. Во-первых, Лорис-Меликов ссылался на подорванное здоровье и «сырой и суровый климат Владикавказа»²⁹. Во-вторых, начальник Терской области признавался в расстроенном состоянии личных финансовых дел. Находясь на службе во Владикавказе, Лорис-Меликов не имел возможности управлять закавказскими имениями, что привело их в упадок. В заключении письма Лорис-Меликов просил назначения ему содержания, без которого он не мог рассчитывать на лечение и «безбедное существование семьи»³⁰. Михаилу Николаевичу удалось убедить императора в необходимости сохранения за Лорис-Меликовым содержания в полном объеме³¹.

Еще одним ключевым сотрудником администрации великого князя-наместника являлся генерал П. П. Павлов, карьера которого при постоянном покровительстве Михаила Николаевича развивалась успешно. По примечательному совпадению Павлов часто оказывался рядом со Свистуновым и Лорис-Меликовым. В 1863 г. Павлова назначили директором канцелярии начальника Терской области; в 1868 г. он занял место помощника начальника штаба Кавказского военного округа, то есть стал заместителем Свистунова. После перехода Свистунова на должность начальника Терской области, освободилось место начальника штаба Кавказского военного округа, которое досталось Павлову.

В апреле 1881 г. Павлов принимал участие в совещании, которое должно было определить модель управления Кавказом после ухода Михаила Николаевича с поста наместника [Волхонский, 2018, с. 178–179]. Павлов, как и другие ближайшие сотрудники Михаила Николаевича, являлся решительным сторонником сохранения сильной единоличной власти в руках высшего военно-политического начальника Кавказского края. Как отмечал еще один близкий к Михаилу Николаевичу генерал-«кавказец» Л. И. Меликов, «в таком крае, до изменения условий, нужна власть сильная, власть, не только останавливающая всевозможные правонарушения, но и непосредственно руководящая и указывающая способы действий»³². Однако император Александр III не смог найти подходящую фигуру для сохранения должности кавказского наместника. В итоге наместничество было упразднено, а административные права и привилегии главноначальствующего гражданской частью на Кавказе,

²⁸ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 120. Л. 9.

²⁹ Там же. Д. 127. Л. 11.

³⁰ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 127. Л. 12.

³¹ Там же. Л. 13.

³² РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 321. Л. 6.

которым был назначен князь А. М. Дондуков-Корсаков, существенно урезали, почти сравнив с остальными генерал-губернаторами [Волхонский, 2018, с. 189].

В письмах к Михаилу Николаевичу генерал Павлов выражал недовольство деятельностью главноначальствующего и сокращением автономии тифлисской администрации: «Дондуков не имеет ясного и точного направления... До настоящего времени, конечно, очень трудно было бы сказать что-либо противу него серьезное, но одно что видно, что он не сумел с достаточной самостоятельностью поставить себя ни в отношении военного министра, ни в отношении гражданских министерств, и что первый успел помимо его соглашения добиться права таких распоряжений на Кавказе, неудобство которых князь Дондуков скоро почувствует и уже не поправит»³³. Осенью 1882 г. Павлов решил покинуть Кавказ, так как не смог вписаться в новую административную систему и соответствовать управленческому стилю Дондукова-Корсакова. «Я оставляю Тифлис и Кавказ с тем, чтобы не возвращаться более, по крайней мере в тех условиях, какие слагаются для будущего Кавказа из наступившей для него теперь эры, характеризовать которую будут впоследствии те, кто обречен будет судьбою выносить ее последствия. Теперь же только горькое и безотрадное чувство скорби за этот край — да и за всю отчизну, не могущее дать из среды своей государственных людей, чиновника, способного стать правителем части страны — наполняет душу, смотря на все совершающееся, на эти руки, взявшиеся за руль с тем же легким сердцем и беззаботной развязностью, с какою когда-то брались за повод и нагайку для веселой джигитовки. Не могу я по совести прикладывать к этой недостойной игре руки своей и, несмотря на всю тяжесть своего малообеспеченного положения, предпочитаю оставаться без всякой должности, чем продолжать присутствовать при этой управительной оргии», — горько откровенничал Павлов в письме великому князю от 22 сентября 1882 г.³⁴

Как и Лорис-Меликов, генерал Павлов не имел большого состояния, поэтому оставление службы грозило бедностью. В письме от 2 октября 1882 г. Павлов прямо просит великого князя о покровительстве: «Вы изволили уже столько сделать для меня, что всякая просьба моя была бы злоупотреблением вашим вниманием. Теперь я рассчитываю провести несколько месяцев в полном покое, которого требует и мое физическое, и мое нравственное состояние. Если в течение них Военное министерство не сочтет возможным сделать мне предложение, которое бы я мог принять и к которому сознавал бы себя имеющим право и способности к выполнению, то тогда я осмеливаюсь просить ваше высочество разрешить мне повергнуть судьбу мою на ваше усмотрение. Я чересчур высоко ценю каждое обо мне слово вашего высочества, для того чтобы просить его тогда, когда я не поставлен еще в совершенно безвыходное положение»³⁵.

Посткавказские карьеры любимцев великого князя-наместника — Павлова и Свистунова сложились удачно, оба командовали армейскими кор-

³³ ГАРФ. Ф. 649. Оп. 1, Д. 385. Л. 13–14.

³⁴ Там же. Л. 27–28.

³⁵ Там же. Л. 37–38.

пугами. Свистунов был вынужден выйти в отставку в 1892 г. из-за скандальной драки с генералом Н. А. Ризенкампом. Павлов с 1894 г. входил в состав Военного совета, а в 1902 г. стал членом Государственного совета, который в 1881–1905 гг. возглавлял его патрон Михаил Николаевич.

* * *

В годы наместничества великого князя Михаила Николаевича особый статус Кавказа в административно-территориальной структуре империи получил дополнительные символические атрибуты и политическое значение. Великий князь-наместник, его семья и его двор увенчали политическую автономию южной окраины. Михаил Николаевич управлял территорией, которая имела региональную армию, штат опытных чиновников, лояльную и многочисленную местную элиту. Все это способствовало формированию внутри этой разветвленной корпорации особого «кавказского» патриотизма, о котором писал сын Михаила Николаевича — великий князь Александр Михайлович: «Наш узкий, кавказский патриотизм заставлял нас смотреть с недоверием и даже с презрением на расшитых золотом посланцев С.-Петербурга. Российский монарх был бы неприятно поражен, если бы узнал, что ежедневно от часу до двух и от восьми до половины девятого вечера пятеро его племянников строили на далеком юге планы отделения Кавказа от России» [Великий князь Александр Михайлович, 1991, с. 20].

Наместничество являлось оптимальной формой управления южной окраиной с точки зрения самой окраины, понимаемой в данном случае как совокупность региональных корпораций и элит. Однако полновластный наместник являлся административной аномалией для российского правительства, особенно в эпоху роста профессионализации бюрократии и регулярности управленческих процедур. Патерналистская рациональность — желание контролировать в обход неповоротливой бюрократии — уступила место рациональности бюрократической, выражавшейся в стремлении к обезличенной унификации и гегемонии формальных процедур. В этом контексте годы наместничества Михаила Николаевича приобретают особенное значение как один из наиболее ярких и вместе с тем последних в истории Российской империи примеров модели регионального управления, в значительной мере функционирующей на основе неформальных отношений — покровительстве и протекции.

Список сокращений / Abbreviations

ГАРО — Государственный архив Ростовской области (Ростов-на-Дону) [State Archive of the Rostov Region (Rostov-on-Don)].

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва) [State Archive of the Russian Federation (Moscow)].

КБИГИ — Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований (Нальчик) [Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Research (Nalchik)].

РГИА — Российский государственный исторический архив [Russian State Historical Archive].

Список литературы / References

1. Белых А. А. Деятельность М. Х. Рейтерна: фактор доверия. *Экономическая политика*. 2021. Т. 16. № 2. С. 118–135 [Belykh A. A. Activities of M. Kh. Reiter: Trust Factor. *Economic policy*. 2021;16(2):118–135 (in Russian)].
2. Болтунова Е. М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII – начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022 [Boltunova E. M. *The last Polish king: the coronation of Nicholas I in Warsaw in 1829 and the memory of the Russian-Polish wars of the 17th – early 19th centuries*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022 (in Russian)].
3. Великий князь Александр Михайлович. *Книга воспоминаний*. М.: Современник, 1991 [Grand Duke Alexander Mikhailovich. *Book of Memories*. Moscow: Sovremennik, 1991 (in Russian)].
4. Волхонский М. А. Упразднение наместничества на Кавказе в 1881–1882 гг. *Российская история*. 2018. № 3. С. 178–179 [Volkhonsky M. A. Abolition of Viceroyalty in the Caucasus in 1881–1882. *Russian history*. 2018. No. 3, pp. 178–179 (in Russian)].
5. Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.* М.: Мысль, 1978 [Zayonchkovsky P. A. *The Government apparatus of Autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl', 1978 (in Russian)].
6. Зайончковский П. А. *Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий, 1881–1903*. М.: Мысль, 1973 [Zayonchkovsky P. A. *Autocracy and the Russian Army at the turn of the 19th–20th centuries, 1881–1903*. Moscow: Mysl', 1973 (in Russian)].
7. Итенберг Б. С., Твардовская В. А. *Граф М. Т. Лорис-Меликов и его современники*. М.: Центрполиграф, 2004 [Itenberg B. S., Tvardovskaya V. A. *Count M. T. Loris-Melikov and his Contemporaries*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004 (in Russian)].
8. *Кавказ*. 1863. № 29 (18 апреля).
9. Колосовская Т. А. К проблеме производства исторического знания о Кавказской окраине Российской империи (на материале исследовательских практик А. П. Берже). *Журнал фронтирных исследований*. 2023. № 4. С. 31–41 [Kolosovskaya T. A. On the problem of producing historical knowledge about the Caucasian outskirts of the Russian Empire (based on the research practices of A. P. Berge). *Journal of Frontier Research*. 2023. No. 4, pp. 31–41 (in Russian)].
10. Кузьминов П. А. М. Т. Лорис-Меликов на службе Его Величества. *Исторический вестник КБГИ*. 2009. № 8. С. 405–436 [Kuzminov P. A. M. T. Loris-Melikov in the service of His Majesty. *Historical bulletin of KBIGI*. 2009. No. 8, pp. 405–436 (in Russian)].
11. Лазарян С. С. *Кавказ под управлением князя М. С. Воронцова*. М.: Проспект, 2022 [Lazaryan S. S. *Caucasus under the Rule of Prince M. S. Vorontsov*. Moscow: Prospekt, 2022 (in Russian)].
12. Максимчик А. Н., Манышев С. Б. «...Собрать из архивов главнейшие акты и сведения...» (Кавказская археографическая комиссия и архивное дело на Кавказе во второй половине XIX в.). *Новое прошлое / The New Past*. 2020. № 2. С. 44–61 [Maksimchik A. N., Manyshchev S. B. «...Collect the most important

- acts and information from the archives...” (Caucasian Archaeographic Commission and Archival Affairs in the Caucasus in the second half of the 19th century). *The New Past*. 2020. No. 2, pp. 44–61 (in Russian)].
13. Муханов В. М. *Покоритель Кавказа князь А. И. Барятинский*. М.: Центрполиграф, 2007 [Mukhanov V. M. *Conqueror of the Caucasus — Prince A. I. Baryatinsky*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007 (in Russian)].
 14. Правилова Е. А. *Финансы империи: деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801–1917*. М.: Новое издательство, 2006 [Pravilova E. A. *Finances of the Empire: Money and Power in Russian politics on the national outskirts, 1801–1917*. Moscow: New Publishing House, 2006 (in Russian)].
 15. Уортман Р. *Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии*. Т. II. М.: ОГИ, 2004 [Wortman R. *Scenarios of Power: Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy*. Vol. II. Moscow: OGI, 2004 (in Russian)].
 16. Эсадзе С. С. *Историческая записка об управлении Кавказом*. Т. II. Тифлис: Типография «Гуттенберг», 1907 [Esadze S. S. *Historical Note on the Government of the Caucasus*. Vol. II. Tiflis: Guttenberg Printing House, 1907 (in Russian)].

Информация об авторе

Урушадзе Амиран Тариелович — кандидат исторических наук, декан факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия; aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>.

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 17.05.2024; одобрена рецензентами 31.05.2024; принята к публикации 03.06.2024; опубликована 30.09.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author

Amiran T. Urushadze — PhD (History), Dean, History Department, European University at S t. Petersburg, St. Petersburg, Russia; aurushadze@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4624-007X>.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

The article was submitted 17.05.2024; approved after reviewing 31.05.2024; accepted for publication 03.06.2024; published 30.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.